

Часть первая

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

КОНЕЦ ПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ

— Застоялся груздь, да согдился. Не зачервивел.

Камердинер, принесший на вешале мундир, смотрел хмуро.

— Грузди не червивят. Во всем губернаторстве Вашего высокопревосходительства такого мундира не сыщешь.

Слуги за господ — горой, подмывало съехидничать: «А в Петербурге?» Не стал дразнить доброго старика.

Сидя на деревянном легоньком креслице, Михаил Илларионович смотрел на своего величавого двойника, будто из самого детства.

Шестьдесят шестой! Что заслужено, вот оно: ордена, ленты, эполеты. Впрочем, немилости тоже напоказ. Генерал от инфантерии — высоко, но тринадцатый год без повышения.

Бога неча гневить: двадцать семь лет в генералах. Ступенек у лестницы, по коей лез наверх, сразу и не сосчитаешь. Капрал, каптенармус, кондуктор, прапорщик... Первый бой — в девятнадцать, под Варшавой. Это сколько же? 1811 минус 1764... Сорок седьмой год! 28 июня — сорок семь.

Ордена, как судьба. Вот Владимир II степени. Представил матушке Екатерине, когда возвращалась из Крыма, Полтавскую битву на Полтавском поле. А вот Владимир I степени. За рану под Аустерлицем. Подслащенная отставка. Иное дело Святая Анна. Тоже за рану. Пуля ударила в щеку, вышла в затылок. Се было под Очаковом. Тогда и Суворов получил ранение, в шею. Орден даден за то, что жив остался.

А се — славные кресты Георгия Победоносца. Первый за бой у Шумны, близ Алушты, в Крыму. За чудо. Пуля ударила в висок и вышла под глазом. Рана смертельная, но Богу нужен на земле. Императрица Екатерина, дорожа своим Кутузовым, по-

правлять здоровье отправила за границу. Повидал Европу: Германия, Италия, Франция, Голландия, Англия...

Второй Георгий за Измаил. За дело.

Что прожито, то прожито.

Сердце было покойно. Не осталось в нем вожделения новых эполет, наивысших орденов, вельможных титулов. Слава богу, не иссякло стремление служить русскому оружию.

Гонец везет рескрипт о назначении командующим Молдавской армией. Корпусным начальником не сгодился, а вот командующим — милости просим. Приспичило!

— Одеваться? — спросил застоявшийся в сторонке камердинер.

— В чемодан! Тяжелехонек. Поеду как есть. Неприятеля генеральскими звездами не испугаешь.

— А для проводов?

— Проводы... — Михаил Илларионович даже сопнул. — Да ведь чай не Петербург! Вильне я и этакий сгодился. Для дороги, для войны — в сюртуке удобнее. Столь ладно пошитого сюртука ни у единого губернатора нет.

Что верно, то верно: Кутузов носил отменное белье и рубашки, сюртуки шиты были мастерами из превосходнейших тканей. Даже чрезмерная тучность не шла в ущерб костюмам Кутузова. Но была еще одна причина, не позволявшая носить на войне парадные мундиры. Всю кампанию, сколь бы долгой ни была, Михаил Илларионович спал не раздеваясь.

— Ну, что ж, голубчик, поглядели, подивились на звезды — и ладно! — Кутузов поднялся с кресла, подошел к мундиру, дотронулся до эполет, до орденов. — Всё за труды... А время-то won как скачет — обедать пора.

Обед был приготовлен самый изысканный, но ели с губернатором всего пятеро офицеров, коих он брал с собою в Молдавию.

— В весну, господа, отправляемся, — сказал Михаил Илларионович, ласково поглядев на каждого. — Молдавия страна зеленая. В том краю даже церкви строят, глядя на ели. Почти все двуглавые. Подняты шатры высоко. В Молдавии Бога любят... А в Литве — поесть. Каковы повара!

Польские изощренные подливы на литовский лад умиляли Михаила Илларионовича. Болезненная государственная неполноценность оборачивается превосходными достоинствами в сферах самых неожиданных.

Парки литовских магнатов переняты у ясновельможной Речи Посполитой, но, почти всюду, великолепнее. Ежели у Потоцкого в его парке сотня оленей, то у Радзивилла их будет тысяча. Польки одарены красотой и щедры на любовь, литовки же охочи до ласк вдвое, любой иноземец для них желанен.

Михаил Илларионович и одним глазом видел: все его три горничные, ревнуя господина друг к другу, прислуживают с особою интимностью. Интимность сия свойства тончайшего, распяляет скрытной страстностью, охотой первенствовать среди соперниц.

Все это ужасно трогало. Старый сатир, так называл Кутузова император Александр, испытывал самую нежную благодарность к своим красавицам — превосходнейшим в Литве. Увы! Долгая дорога из Киева, а в дороге он дважды болел, и болел тяжело — поубавила былой прыти. В Киев ездил в отпуск, распорядился с недвижимой собственностью.

Военным губернатором Киева Кутузов служил год четыре месяца, и еще год четыре месяца числился на оной должности, будучи командующим главного корпуса Молдавской армии. Интригами фельдмаршала Прозоровского и особливо жены его, статс-дамы Анны Михайловны, Михаил Илларионович и оказался в военных губернаторах Вильны.

Ехал в сии края, как в изгнание. После Киева губернаторство в Литве — утрата первостепенных государственных: высот, явная немилость. Но в тоску вгоняло иное: до воровства и взяточничества во всю свою жизнь не опускался, а жить предстояло на жалованье весьма скудное. И что же! За год и восемь месяцев Михаил Илларионович не токмо смирился с новым своим положением, но обрел столько привязанностей, что уж и не желал снова влезать в шкуру вершителя истории.

Исхитрился жить на скромные деньги, не отказывая себе в излишествах стола и содержания прислуги.

— Ваше превосходительство всю жизнь на турецкой войне, — сказал полковник Паисий Кайсаров и словно бы что-то не договорил.

— Главнокомандующим впервой, — сказал Кутузов, словно угадав недоговоренное. — Войск мало, растянуты, страшно подумать, — на тыщу верст, войну вести предписано оборонительную, а победу — подавай...

— Болгары готовы всем народом противостоять туркам, — сказал один из офицеров.

— На Балканах жизнь сложная. Единства там во веки веков не бывало. — Михаил Илларионович вкушал подливки, и удовольствие светилось на его весьма полных, а посему отнюдь не старческих щеках. — Венгры, страстно боровшиеся против Габсбургов, за помощью бегали к исконным своим поработителям. Мудрец-визирь Ахмед Кепрелю заговорщиков не жаловал, некий феодал Заринья предлагал Кепрелю двенадцать тысяч талеров ежегодной дани за тридцатитысячный турецкий корпус. Переплетение интересов на Балканах самое невероятное... Турецкое иго, для крестьян, кстати, было не обременительнее поборов собственных господ. Султанский налог, налоги пашей были разумны, и это при отсутствии барщины. Часто на село накладывали общую подать, и крестьянская община получала значительную самостоятельность.

— Почему наша война с Турцией получается какая-то бесконечная? — спросил Кайсаров.

— Как воюем, то и получаем. — Кутузов поднял лицо к обрядам в красном углу: — Дал бы Господь здоровья!

— Здоровье и свежесть армии — залог всякой победы, — согласились с генералом.

— Я о своем здоровье. Помните болезнь, приключившуюся с Александром Македонским? Искупался, распаренный, в реке и слег, а Дарий наступает, причем распусшив слухи, что врачей за умерщвление Александра наградит тысячью талантов. И помните, что сказал Александр своим лекарам: «Для меня лучше умереть сразу, нежели поправиться слишком поздно... Мне нужно от врачей средство не для спасения жизни, а для продолжения войны». Помните, что было дальше?

Офицеры молчали.

— Хранитель здоровья царя Филипп предложил дать сильное лекарство, которое действует не быстро, но верно, и ослабит болезнь. В тот же день Александру подали письмо от его полководца Пармениона. Предупредил: Дарий обещал Филиппу за смерть Александра не только награду, но и свою сестру. Александр подумал и решил: лучше умереть от преступления другого, чем от собственного страха. Когда пришел Филипп с чашей, великий македонец выпил лекарство, а потом дал врачу страшное письмо. Всё кончилось тем, что Александр через три дня предстал перед войском и Дарий был повержен.

Разговор за столом пошел самый ничтожный, о гордыне литовской знати, о нелюбви поляков ко всему русскому. Паисий Кайсаров не выдержал:

— Михаил Илларионович, пока есть время: что нам надобно взять в дорогу? О чем озаботиться ради успеха в предстоящей кампании?

— Сыщите мне второго Милона! — улыбнулся простецки, видя смущение своих офицеров. — Простите, что умничаю. Милон — шестикратный олимпийский чемпион из города Пифагора Кротона. Когда сибариты, имея тридцать мириад, что соответствует нашим тремстам тысячам, напали на десять мириад кротонцев, Милон, в своих олимпийских венках, в львиной шкуре Геракла, обратил своею палицей сибаритов в бегство. В Молдавской армии нам непременно надобно иметь своего Милона, дабы принудить турок искать мир.

— Господи, вы так много знаете и помните! — вырвалось у Паисия Кайсарова.

— Не из рода, а в род. Моего батюшку Иллариона Матвеевича некогда наградили прозвищем «Разумная книга». Надобно не только читать, но и помнить читанное.

— А каков ваш идеал человека? — с бесшабашной отважностью спросил Кайсаров.

— Пожалуй, Пифагор, житель Кротона. Гиппобот и Неанф, поведавшие миру о Пифагоре, говорят о его реинкарнациях. Пифагор помнил события Троянской войны и время основания фокейцами Массилии. Он называл себя Эталидом, сыном Гер-

меса, потом его душа переселилась в Эфроба, и во время Троянской войны он был ранен Менелаем. Далее Пифагор звался Гермотимом Пирром, делосским рыбаком, и только потом Пифагором, жизнь коего исчисляется 82-мя годами.

Глаза Кутузова смеялись, но Паисий Кайсаров знал: любовь генерала к Пифагору не пустая шутка: Михаил Илларионович — каменщик ложи во Франкфурте и Берлине, состоит в шведском союзе «Духовных рыцарей», отмечен орденским знаком «Зеленеющий лавр».

— Да, господа! — улыбнулся генерал своим офицерам. — Как сказал Менекрат: «Старость желанна, пока ее нет, а придет — порицают. Каждому лучше всего то, что еще не пришло».

Обед был кончен. Офицеры откланялись. Горничные стояли, как серны, подняв головки — в глазах, ожидание. Михаил Илларионович всех расцеловал и отправился, по русскому обычаю, к Морфею. На сей раз в одиночестве.

Сон вышел воробьиный. Смотрел на огонек лампадки под иконою Богородицы.

Тучность представлялась Михаилу Илларионовичу бременем грехов. В Киеве, когда губернаторствовал, по часу в день хаживал пешком. Не растряс пуды.

С детства во грехе. За его жизнь матушка заплатила собственной... Тут бы Господа молить, но обитание в доме Ивана Логиновича, коему богом был Вольгер, одарило и детством безбожным. Просвещались!.. А вырос — впал в модную дурь: на тайны потянуло, возжелал повелевать судьбою мира. Вот и повязал себя масонскими клятвами. Слава Господу, душа птица вольная, душою от православия не отпал.

Защипало в глазах, молодо закипели горячие молитвы в сердце. Сердце всегда молодо.

«И на колени-то стать — сначала думай, кости поломаешь». — Михаил Илларионович согнул спину, отставил назад правую ногу и, опершись обеими руками в левое колено, медленно опустился на пол.

Был день преподобных отцов Прокопия Десятиградского, Стефана — подвижника странноприимства, пресвитера Печерского Тита...

Будучи послом в Стамбуле, Михаил Илларионович ездил в Арматию — предместье Стамбула, где преподобный Стефан строил больницы для престарелых. Прокопий Десятиградский тоже малоазиец. Прияв в сердце Духа Святого, не утратился гнева василевса, не отрекся от святых икон, отсидел в тюрьме до смерти иконоборца Льва Исоврянина. Житие же Тита Печерского — поучение о страхе Божиим. Преподобный отец со смертного одра послал просить о прощении у друга своего диакона Авагрия, ибо их дружба обернулась ненавистью. Авагрий пришел к одру, но вместо раскаянья обещал Титу хранить в себе распрю не токмо на земле, но и в будущей жизни. Тотчас и упал замертво, а Тит — исцелился. Обрел дар чудотворенья.

«Господа! — мысленно молился старый генерал. — Царь посылает меня воевать с турками. Прошу милости Твоей одолеть неприятеля, сохраняя сколь можно больше жизней православных и мусульман, ибо нет во мне ненависти к иноверцам, но есть попечение о благе России. Умудри устроить мир скорейший. Не кровью залью землю, но убелю милосердием Твой Белый свет, коли не оставишь меня».

Прочитавши «канон молебный ко Пресвятой Богородице», просил и своими словами:

«Стар я и немочен, Благодатная, а меня — в главнокомандующие. Все беды, приносимые войной, на мои лягут плечи, за все грехи — мне отвечать перед Богом. Богородица! Под Твой Покров, под омофор Твой прошусь. Нет во мне не токмо жажды, но и малого мечтания о наградах, о славе — слава генеральская на крови возрастает. Но избавь меня, Пречистая, и от позора на седины мои, на мундир мой. Благослови послужить Государю и Отечеству под водительством Святых сил Небесных».

Помолясь, сел написать письмо Елизавете Михайловне Тизенгаузен, третьей дочери своей, вдове. Супруг ее Фердинанд убит под Аустерлицем, в несчастнейшем сражении для русского оружия.

«Лизинька, мой друг, и с детьми, здравствуй! Я получил из Петербурга известие, благодаря которому могу оказаться по соседству с тобою. Это значит, что я, вероятно, буду назначен командующим армией в Турции. Уверю тебя, что это меня вовсе

не радуется, наоборот, сильно огорчает, клянусь тебе. Министр подготавливает меня к этому...»

Пост военного министра занимал Михаил Богданович Барклай де Толли. Тоже генерал от инфантерии. В министрах всего год, а труды явственные. В армии небывалая прежде новость — Главный штаб, начальник штаба. Сама структура армии перелопачена. Барклай свёл разбросанные по стране полки в дивизии, в корпуса, причем корпуса, ради их подвижности и боеспособности, устраивает из трех родов войск: пехота, кавалерия, артиллерия. Похвально, что озаботился резервами. Формирует пехотные и кавалерийские дивизии, уже стали явью четыре артиллерийские бригады...

Михаилу Илларионовичу пришлось по сердцу один из первых же циркуляров министра: «Армию отличает неумеренность в наказаниях, изнурение в учениях сил человеческих и непопечение о сытной пище». Так вот прямо и объявил главную беду вооруженных сил государства Российского. Мало того, указал причину, откуда сие происходит: «Закоренелое в войсках наших обыкновение всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании; были даже примеры, что офицеры обращались с солдатами бесчеловечно, не полагая в них ни чувства, ни рассудка. Хотя с давнего времени мало-помалу такое зверское обхождение переменилось, но и поныне еще часто за малые ошибки весьма строго наказывают».

Сей циркуляр не что иное, как указание сверху об отмене аракчеевщины, службы под палками. Забота же о солдатском желудке у Барклая отнюдь не на словах, принялся устраивать склады с продовольствием. «Оборонительные базы» — на случай войны с Наполеоном — устраиваются во Пскове, в Кременчуге, в Смоленске, в Москве.

Министр соответствует месту.

— А вот будет ли соответствовать Кутузов в свои шестьдесят шесть назначению в главнокомандующие? — Михаил Илларионович отложил письмо к дочери и принялся набрасывать черновик ответа министру.

«Получа отношение Вашего высокопревосходительства о предназначения меня главнокомандующим к Дунайской армии, я тотчас приготовился к исполнению высочайшей воли».

Перо столь быстро пролетело по бумаге, что Михаил Илларионович даже придвинулся к листу, изумленный написанным его же рукою. Еще мгновение назад собирался донести министру о недомоганиях своих. Ведь всего две недели тому назад, по дороге из Киева, несколько раз останавливался не ради насморка. Не жил, а плавал.

— Солдат ты, братец! — сказал себе, покачав головою. — И царедворец!

Перо уже снова бежало по бумаге, выводя мысль округлую и нужную до обязательности: «Доверенность государя в столь важном случае заключает в себе всё, что только льстить может человека, хотя бы наименее честолюбивого».

Единственный абзац на листе смотрелся не вполне вежливо, и посему написал еще один: «В летах менее престарелых был бы я более полезным; случаи дали мне познания той земля и неприятеля; желаю, чтобы мои силы телесные при исполнении обязанностей моих достаточно соответствовали главнейшему моему чувствованию, то есть приверженности к лицу государя, ныне над нами царствующего».

Перечел, поставил подпись:

«Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов».

Теперь можно было и дочери письмо дописать.

В ДОРОГЕ

Сколько ни проживи на белом свете, невозможно на землю наглядеться.

Михаил Илларионович смотрел, не отрываясь, в окошко кареты.

Земля освободилась от снега, но тепла нет — слезалая прошлогодняя трава мертва. А все равно от мира Божьего глаз не отвести.

Впереди война. Сто тысяч забот на бедную голову. Однако ж думать наперед степенные лета не позволяли. Молодость раскидывает умишком так и этак, планы строит, ловким выдумкам радуется: раз-два — и звезда на грудь!